

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) "ПРАВДА"

№ 4

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
●
ФЕВРАЛЬ 1932 г.
●
МОСКВА

ЦЕНА 25 КОП.

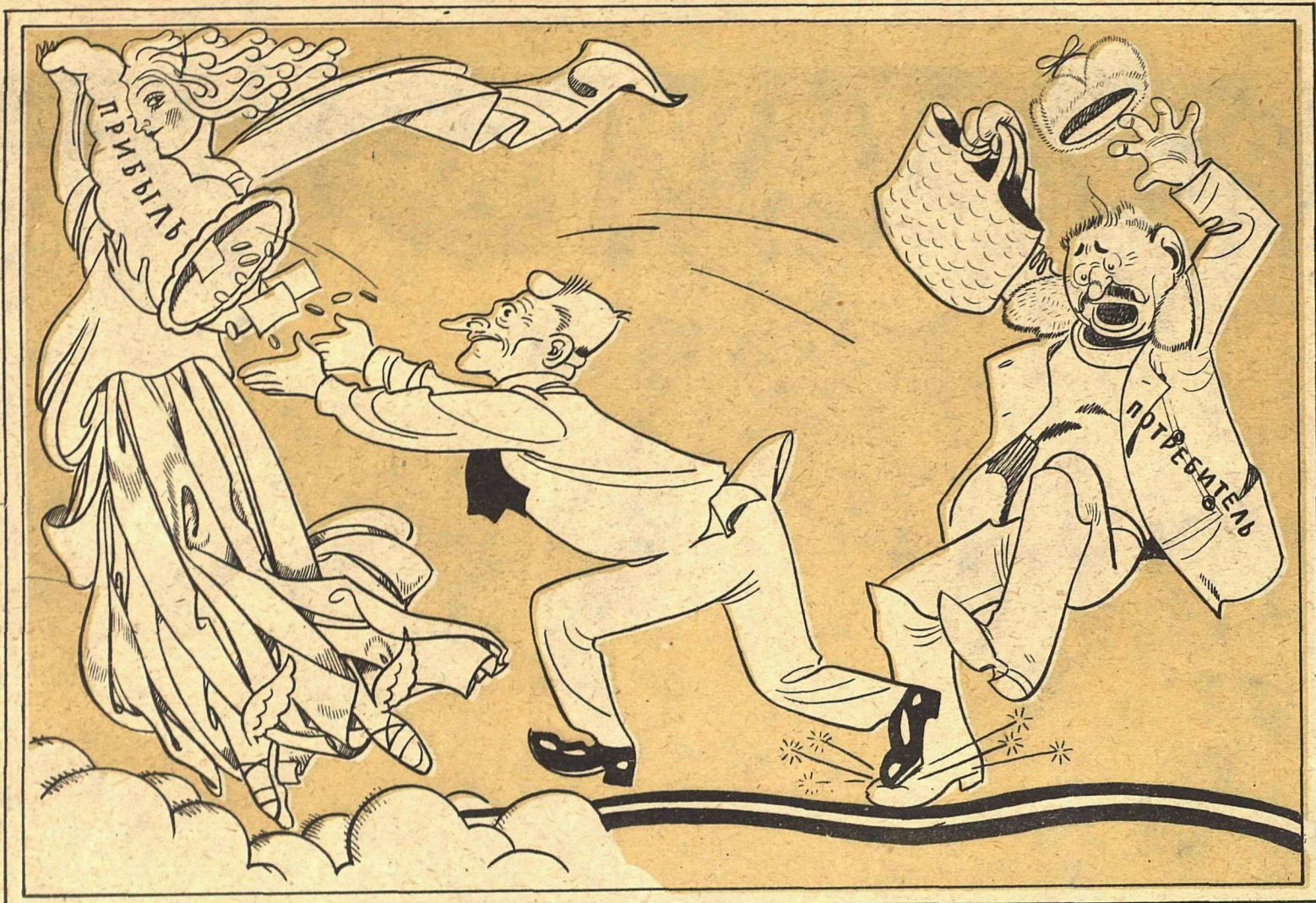

Н. Рогов

ПО ДОРОГЕ НА ЛОЗАННСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ

ГЕРМАНИЯ: — Конечно, жертва необходима. Но почему они так странно осмотрят на меня?

Клубок империалистических противоречий настолько запутался, что Лозаннскую конференцию пришлось „временно“ отложить. Петля, которая уже накинута на шею Германии, затянется рано или поздно, если этому не помешает пролетариат.

ПОГОНЯ ВО ВЕСЬ ДУХ... НЭПМАНСКИЙ, КОНЕЧНО.

К О О П А Н Е К Д О Т

Я ОПУСКАЮ перо в химические чернила и собираюсь писать кооперативный фельетон.

Кооперативный фельетон написать не трудно.

У кого из нас не найдется в запасе дюжины-другой самых свежих, самых злободневных коопанекдотиков?

Коопанекдотиков — с солью, с перцем; с коопстоловой, закрытой... на обед; с ассортиментом в коопмагазине шелковых дамских чулок, пудры „Коти“ и рапир, столь необходимых шахтерам-ударникам.

Коопанекдот — это уже теща и дачный муж наших дней. Коопанекдот рассказывают у нас с подмигиваньем, с перехватами в горле:

— ...И вот, представьте, этот коротышка Михаил Астафьевич говорит долговязому Исидору Витальевичу: „Вы заметили, как Мальвина Клементьевна катастрофически похудела? В ней нет теперь и шести пудов, а все потому, что она“...

— Соблюдала диету?

— Нет, питалась в коопстоловой...

— В коопстоловой? Ха-ха-ха... Хо... Хо... Очень комично. А, кстати, вы-то сами слышали последний анекдот „про неприличными словами не выражаться“?

— Нет, не слышал еще!

— Ох, умрете! Сидят это двое в кооперативной столовой и читают на табличке надпись: „Просят неприличными словами не выражаться“. И тут один говорит другому: „Не знаете, — говорит, — к чему эта табличка?“

— Нет, — говорит другой, — нет, не знаю!

— Не знаете? Хе-хе, а это видите ли предусмотрительная администрация повесила, чтобы ее не обкладывали за качество обедов.

— Да ну? Ой, лопну!

— То-то. Как анекдотик?

— Ой, не спрашивайте... Ха-ха-ха... Никаких сил. Не могу-у... А насчет собачек слышали?

— Насчет каких собачек?

— Ага, не знаете? Надорветесь. Входит одна гражданочка в магазин, а ей и говорят: „Нельзя со своими собачками, гражданочка!“

— Это почему же, — спрашивает, — нельзя? — А ей отвечают:

— А потому нельзя, гражданочка, что у нас в правлении свои собачки сидят, еще передерутся с вашей собачечкой! Хе-хе. Хо-хо. Ну, как?

— Убил. Уби-ил. Насчет овощей, небось, не знаете?

— Нет...

— Ой же смеху! Один спрашивает другого: „Знаете ли, гражданин Ненашев, почему овощи в кооперативе сгнили?“

— Очень просто, — отвечает спрошенный, — потому, что за кооперативом всем известный фрукт.

— Не могу, — и фрукт и овощи! Ф-фу. Убил. Умерли. И откуда что?.. Кстати, слышали?.. И т. д. и т. д.

... Повторяю, — написать кооперативный фельетон с гарниром из коопанекдотиков совсем не трудно. К услугам пишущего — огромный выбор.

Есть анекдоты о коопремонте („В чем гвоздь? Хе-хе... в ботиночке“). Есть анекдоты о юной кассирше и старом завмаге (старый завмаг говорит, а кассирша отвечает; или, наоборот, говорит кассирша, а отвечает завмаг). Есть анекдоты о жалобной книге по Чехову или почти по Чехову. Есть разнообразные коопанекдотики о рабочих прилавка, о паразитах прилавка, о чиновниках прилавка, о самоснабженцах прилавка, о грубиянах прилавка. Но...

... И тут мое перо делает осечку.

Я ни разу не слышал и не знаю ни одного коопанекдота о пайщике и ни одного коопанекдота о тех, кто рассказывает анекдоты о кооперации.

Мы так усердно, так самоотверженно охаиваем и осмеиваем кооперацию, что у нас не остается времени подумать о себе и своих обязанностях. Никто, конечно, не отрицает, что кооперация у нас не на должной еще высоте. Но...

... Перо уже рвется к бумаге.

„Пайщик! — спросит оно черным по белому, — а что ты сделал для кооперации? Только с помощью широких масс трудящихся наша кооперация...“ Я откладываю перо в сторону.

Я спрашиваю самого себя:

— Пайщик, а что сам-то ты сделал для кооперации?

И отвечаю растерянно:

— Я не знаю. Моей коопкнижкой ведает моя жена!

Я честно пишу эти покаянные строчки. Я знаю, чего стоит наша „помощь“ кооперации. Но я также предвигу разговор двух смешливых Иван Ивановичей:

— Слышали новый коопанекдотик?

— Нет еще. Расскажите!

— Понимаете, сидит это один человек за письменным столом и сам себя спрашивает: „Пайщик, а что ты сделал?“ И сам же себе отвечает: „Не знаю... Моей, говорит, коопкнижкой ведает... Ой... Ха-ха... Ха-ха-ха... Знаете кто? Не знаете? Ну, прямо, никаких сил нет... Лопнуть можно...“

Л. Митницкий.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА НЕИЗВЕСТНОМУ КАПИТАЛИСТУ, ЕЩЕ НЕ ПОСТРАДАВШЕМУ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

М. Храпковский

УРАВНИЛОВКА (обезличке):—С завода нас прогнали.. Не податься ли нам на водный транспорт. Там еще для нас кое-где найдется тихая пристань.

ПО ЗНАКОМСТВУ

ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ входит в распределитель бочком, осторожно и робко, как провинившееся домашнее животное.

Нырря под локтями толпящихся ударников и поминутно извиняясь, он протискивается к заведующему закрытым распределителем.

— Как здоровычко, Иван Лукич?— говорит он голосом, в котором растворена сотня сахаротрестов.— Жenuшка как? Детишечки? Петюлька ваш, помнится, все на животик обижался.

Заведующий закрытым распределителем хмуро цедит в ответ, что и жена здорова и Петюлька—слава труду!— на животик не обижается.

Наступает томительное молчание. В душе посетителя происходит борьба: робость служилого кролика борется с алчной страстью стяжательского удава. Но вот разятые его ноздри ощутили раздражающий запах дефицитных товаров. Это решает борьбу. Кролик гибнет в пасти удава.

— А я вышел из дому и думаю, — бодрясь, говорит посетитель, — зайду-ка, думаю я, навестить дорогого Ивана Лукича. Посмотрю, как он тут борется на кооперативном фронте!

Посетитель поднимает глаза на заведующего закрытым распределителем. Нестерпимая полканья преданность сияет в них. Он заканчивает страстным полушопотом.

— Я и кошелку на всякий случай прихватил!..

Заведующий закрытым распределителем смотрит на посетителя с мучительным отвращением.

«Вот арап! — думает заведующий. — Вот ловчила! Ну, как ему не дать, когда он так смотрит. Опять же Иван Петрович звонил, что Петр Иванович просил убогатворить этого прохвоста, если он придет. Придется дать, черт его разорви».

Работники прилавка презируют первого посетителя. Они швыряют ему припасы в корзинку явно оскорбительными движениями. Но робкий по-

сетитель благодарит их за это так горячо и красноречиво, что даже жирный философски-невозмутимый кассиршин кот «Будда» чихает от омерзения.

Второй посетитель — полная противоположность первому. В распределитель он влетает, как буря. Сокрушая толпящихся у прилавка ударников, он в два прыжка настигает заведующего закрытым распределителем.

— Здорово, Лукич, чортова кочерга! — гремит новый посетитель дяконской октавой. Ну, как прыгаешь? Зазнался, небось! А мне моя старуха говорит: «Сходил бы ты, Вася, к Лукичу, достал бы того, сего. Человек знакомый — обязан дать. Так ты того — распорядись. Я и кошелку прихватил, «Сыпь сюда, — сказал дьяк, подставляя колапак!» Хе-хе!

«Чего он так орет? — с тоской думает заведующий. — Ведь народ услышит. Придется дать, чтобы отвязался».

Работники прилавка второго посетителя почти уважают, а кассиршин «Будда» боится: прошлый раз этот посетитель ткнул ему в усы горячей папироской.

И первый и второй посетители — наиболее распространенные типы знакомых заведующих закрытыми распределителями. Очень трудно найти среди заведующих закрытыми распределителями людей, девственно невинных в отношении знакомых. Говорят, в Конотопе был такой заведующий. Рассказывают, что этот борец за идею погиб мученической смертью. Ходят слухи, что мужественному кооператору в Конотопе будет поставлен памятник.

Можно ли, однако, бороться со знакомыми?

Не только можно, но и должно.

Бейте по обезличке, товарищи ударники, усиливайте ваш повседневный рабочий контроль над работой закрытых распределителей, — и тогда знакомые исчезнут, как крысы.

Леонид Ленч.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЩЕ

(Сказочка)

В ГОРОДЕ, — в колхозе ли, жакте, — неизвестно, во только родился в одном районе у одной у трудящей женщины сын. И говорила народ в потребилке, что родился он не по форме, безо всякого законного загса, а просто сам по себе. И отец у него не от станка, не от сохи и не от трактора, а простой, неизвестный текучий элемент по фамилии Тинь-тиагент, из беговых летунов.

Ну, родился этот сын и сразу всех в удивление привел, потому что вышел он ужасно чувствительный. Первое дело — надоть матери его кормить, а он — ни в какую! Весь затресся, зажмурился и прямо, как грамотный, на своем грудном языке объясняет, что, мол, я, мамаша, хотя и хочу кушать, но боюсь вам сделать больно, как вы через меня и так накрик кричали. Кланяется и отказывается, ножкой шаркает и отворачивается. Ну, концом-концов, его все-таки уговорили. Так, милые мои, он в родную мать всосался, что в неделю ее всю, как тростиночку, высушил. Сам сосет, — а сам говорит: «Пардонт! Пардонт!» Стал малый расти и взад и вперед, а сам все извиняется: «Простите! Мне совестно!»

Долго ли, коротко ли, — вырос парень, а сам из себя все такой чувствительный и жалостливый, с годами только еще пуще слезы льет. Хотели его по деревенской части пустить, — куда тут! Косить не может, — ему, вишь ли, травку жалко; в пастухи идти, — ему коровок жалко, их ведь иной раз и кнудом огреть приходится, а он не может. До того парень дошел, что на дыпочках стал ходить! Червячков, — говорит, — боюсь раздавить! А, между прочим, сам кушает за семерых и мясное и постное. Принесут ему бараний бок, — он слезу прольет, скажет: «Ах, бедный баранчик!» А бараньевого боку — и в помине нет: вместе со слезой, зная, проглотил.

Ну, думали, думали люди, видят, — в деревне ему делать нечего. Решили его в город отослать. Пускай, мол, на городских харчах поживет, может быть, в какой-нибудь балет кенарем поступит, — женский народ хошь и раскрепощенный, а чувствительных кенарей любит. Глядишь, какую ни на есть ставку человек получать будет.

Но только этот мушциана (а уже он теперь в мушцины вышел!) не пожелал в кенари пойти и ни на какой встраде петь не стал.

— Я, говорит, мало что хочу ставку получать, мне, говорит, еще нужно граждан обучить нежности, чувствительности и жалостности. Такое, говорит, мое душевное, физиологическое желание, потому как, говорит, они зачерствели, как все равно третьюшней хлеб на фабрике-кухне.

Сказано — сделано. Перво-наперво, как водится, начал он детские книжки составлять. Слез туда напихает столько, что наборщики тряпок не напасутся. И все даже в калошах работать начали.

Тут городские не хуже деревенских спохватились — и от детских книжек его оставили. Он — туда, он — сюда, и в музыку сунется и в театре встренется, по всему воспитательному фронту обегал, — везде его признают. Подтирать за ним никому не хочется.

Но только этот либералище не растерялся. Пошел прямо по ученой книжной части и к серьезному журналу пристроился. И начал там всех встречать-привечать, кому хочется попасть в печать.

— Идите, говорит, сюда, все униженные и оскорбленные! Наберу я вас с товарищеским приветом дицером гороховым на шесть квадратов! Напечатаю корпусом слизаветинским с разбивочкой!

И так он своими нежностями и приветами зашился, запарился, что под горячую руку товарищи типографшики-полиграфшики взяли да припечатали его самого: уж очень им надоел. И остался от него один платок, — сморкался. А от того платка такой пошел гнилой да дрянной запах, что некоторые до сих пор не расчихаются. А как чихнут, — так поклонятся либо направо либо налево. И все говорят: «Пардонт! Пардонт!»

Тут и сказочке конец.

Вас. Лебедев-Кумач.

Болтуны

Фельетон А. Аграновского

Рисунки Л. Генча

ВЫСОКО ПОДНЯТЫ воротники, свистит ветер, бело поле. Чуть переминая ноги, плетутся кони. Версты не велики, но метель длинит путь.

В Жемчужном с'езде. В Жемчужном собрание ячейки, а ячейка объединяет несколько сельсоветов. Человек тридцать коммунистов и кандидатов. Собрание открытое, — считай, не меньше явится и беспартийных крестьян.

На повестке дня четыре доклада: об итогах третьей сессии ВУЦИК, о пятилетке в 4 года и хлебозаготовках, о подготовке к весенней посевной кампании и о чистке колхозов от кулаков.

Собрание только началось, а уже кисло от табака и тошно от керосина. Лампочка одна, а воняет нестерпимо. Сидим в шубах и шапках, плотно, по-деревенски, „с потом“.

Елисеев — агитпроп ячейки. Парень молодой, кандидат партии из комсомольцев, он хотя и считается самым сильным докладчиком, вынужден на сей раз извиниться: узнал о собрании час назад. Готовился к докладу, пока лошадей запрягли.

— Сами понимаете, товарищи!..
— Ничего, Андрюша, — успокаивает его председатель. — Голова зато золотая.

Семь часов вечера, а еще не все с'ехались. „Кворум колеблется“, — докладывает секретарь ячейки. — Как быть?

— Давай!

Елисеев, хотя и не готовился к докладу, — требует полтора часа. Иначе, говорит, не справится. Полтора часа — Елисееву, по часу — не меньше — надо дать Василенку и Кучеру: их доклады не менее важны; затем прения, затем обсуждение кулацкого списка, — пока народ раз'едется и доедет до своих деревень, считай, вся ночь долой.

— Именно, — соглашается сосед.
— То-то.

Елисеев докладывает о третьей сессии ВУЦИК и проблеме поднятия урожайности, а на скамьях пока что обсуждается другая проблема: куда поставить лошадей, а заодно и самим устроиться? Хоть час, да поспать!

Со скамьи подымается три делегата: ушли организовать ночь.

... — Пусть же зеленая трава растет на социалистических полях, и пусть же красные знамена реют в колхозах, — кончает тем временем Елисеев.

— Записавшихся у меня нет, — оглашает председатель. — Мы что будем: преть или пока что задавать вопросы?

Тишина.

— Преть, значит? Х рошо. Кто первый?

Слышно, как шипит лампочка.

— Кто берет слово? Кто берет слово?

Ночь. На дворе свистит и мечет. В открывающиеся время от времени двери врываются вихри. Собрание плотней жмется друг к другу, кутается в аршинные воротники.

— Эх, дай я скажу!

— встает сам секретарь ячейки.

Говорит долго. Смысл речи: пусть же зеленая трава растет на социалистических полях, и пусть же красные знамена реют в колхозах. Опять ни слова, ни одного факта, примера из жизни колхозов и сель-

советов, объединяемых ячейкой. Не даром не о чем говорить в прениях.

— Кто же берет слово? — продолжает председатель.

— Сидю, значит, тут я, а тут Петр. — раз'ясняет сосед соседу. — Сидим — а вроде не знакомы. Потеха! Потом я ему говорю: „Петро, и тебе не совестно? Мы ж с тобой вместе воевали, вместе партизанами были, а?“ Он посмотрел на меня и слезы такие на глазах, чтоб я сдох.

— Значит, все понятно? — заключает председатель.

— Понятно, понятно!

— Мне непонятно.

Встает здоровенная шуба, снимает шапку, поднимается на сцену.

— Вот тут говорили все: шесть вопгосов тов. Сталина. Я — беспартийный бедняк, может, скажу неправильно, но могу биться об заклад, — никто не знает, что это за шесть во-

просов. Прошу из'яснить, если я не ошибаюсь, а если ошибаюсь, то извиняюсь.

— Что ж, товарищи, — встает председатель собрания, — давайте выбирать комиссию для составления резолюции к докладу тов. Елисеева. Предлагаю комиссию из 5 человек. Против есть?

Против нет. Поднялась только одна рука и то по другому поводу. Надев с ее помощью шапку, шуба слезает со сцены так и не получив ответа, что такое шесть условий тов. Сталина, садится на свое место.

— Предлагаю Елисеева — раз, Кучера — два (перечисляет). Возражений нет? Тогда попрошу комиссию взять бумагу, карандаши и пойти в сельсовет писать резолюцию. Следующее слово по докладу о пятилетке в 4 года и о хлебозаготовках представляется тов. Василенко.

— Что вы делаете, дорогие? — обратился к жемчужинскому руководству приезжий товарищ. — Так можно заморить собрание. Четыре вопроса в одной повестке.

— Ничего, — успокаивают те, — не гнать же лошадей из-за одного вопроса. Пусть народ сразу от-

слушает.

„Народ“ действительно только „отслушал“. Прений не было. Выступил Елисеев по докладу Кучера, Кучер — по докладу Василенко и Василенко — по второму докладу Елисеева. Избранные две новых комиссии для выработки резолюции ушли в сельсовет и больше уже не вернулись. Не к чему было: и в следующих докладах опять не было почти ни слова о жизни местных колхозов, а говорилось о Сибири, о Средней Азии, о Североамериканских соединенных штатах, об Африке, о Северном полюсе, о чем угодно, только не о Павлоградском районе, только не о Жемчужном, Кондратьевке и прочих селах, представители которых сидели на собрании.

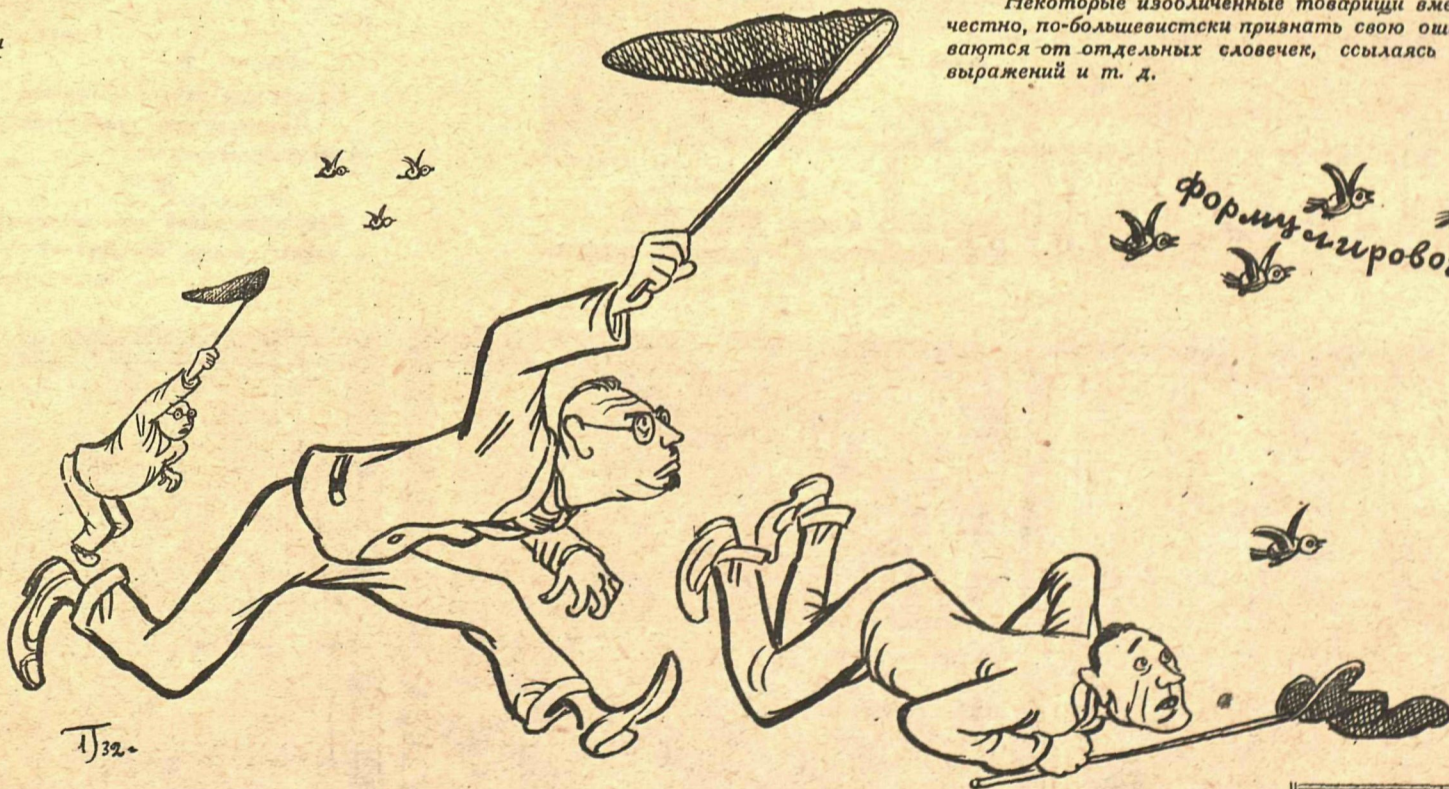
Пусть же „растет зеленая трава и реют красные знамена“...

Л. Генч

Некоторые избалованные товарищи вместо того чтобы честно, по-большевистски признать свою ошибку, отмежевываются от отдельных словечек, ссылаясь на неточность выражений и т. д.

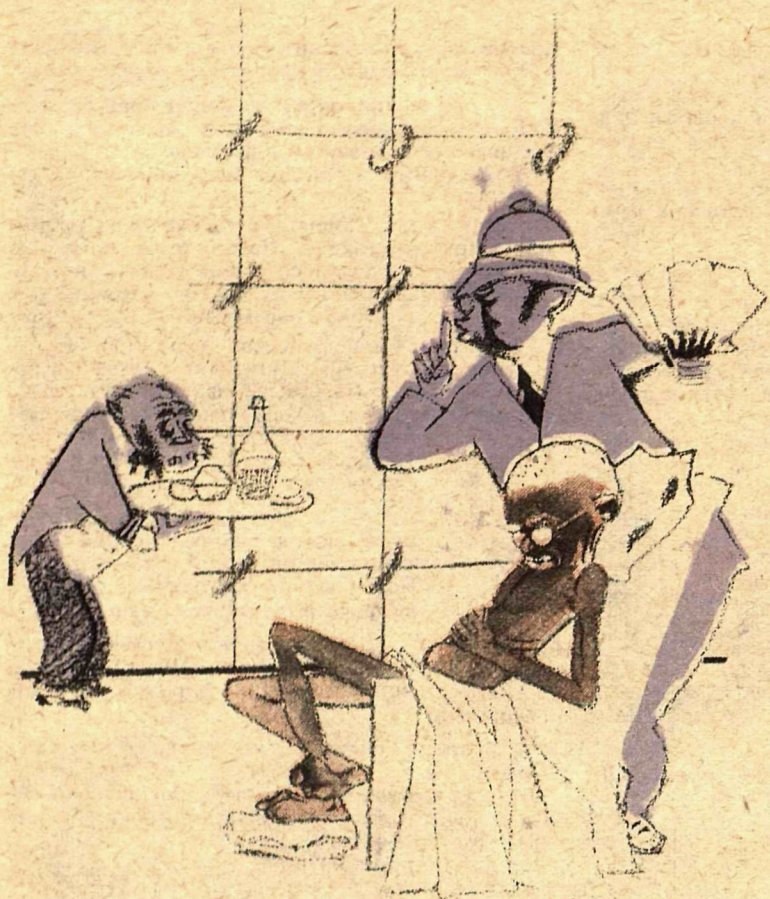
формы и ирривовки

1/32.

Следующий номер „Крокодила“ специальный: „О болтовне“.

СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ, ВЫЛЕТИТ НЕ ПОЙМАЕШЬ.

ГАНДИ В ТЮРЬМЕ:

— Тсс! Надежна ли решетка?
— А что, разве убежит?..
— Да нет... Как бы массы с ним не расправились...

ВЫХОДНЫЕ МЫСЛИ

Некоторые писатели никак не хотят поверить, что в колхозах люди говорят самым простым русским языком.

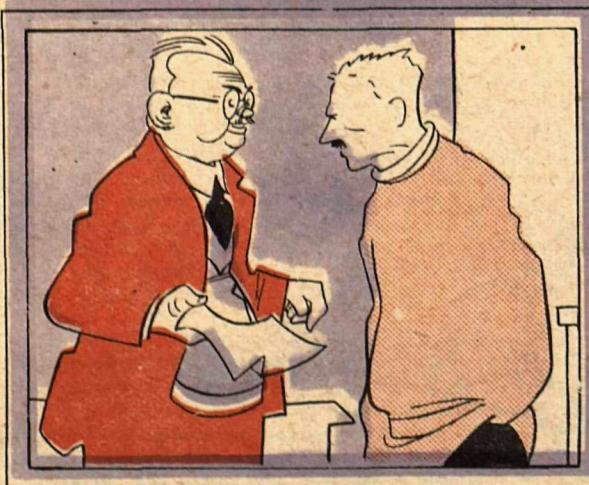
Понуда спектакль еще не организован, его продают организованному зрителю.

У нас нет безработных, но бездельники пока существуют.

Венум

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР
"КРОКОДИЛА"
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
"О БОЛТОВНЕ"

Ю. Ганф

1. — Это дело нам не по плечу, придется детали из Германии ввозить, — говорил пом. директора Визочкин старшему мастеру. — Мы, конечно, сами с усами, но пока у нас еще кишка тонка...

— Да что вы, Никанор Степанович, ежели подумать, то...

2. Но Визочкин, не дослушав, убежал в свой кабинет и зарылся в путеводители по Германии. Мечты о зарпичной командировке заслоняли все.

Уже давно Визочкин так энергично не работал. Колонки цифр фейерверком вырывались из под его пера.

3. — И так... Ознакомление с производством на фоне общего экономического кризиса — 2.000 марок... Покупка необходимых пособий 300... Кстати, не забыть купить у Вертейма галстуки. Хороши черти!... — начал вдруг мечтать Визочкин, задумчиво махая перо в оставший чай.

ПО УЛИЦАМ Кельна
утром раненько,
афиши сверкнули
у всех колонн.
Владелец
кафе «Германия» —
Дрянинг
Решил осчастливить
веселый Кельн.
Кельн —
не ударен
кризисным громом,
В городе Кельне —
нужда ничем.
Любой безработный,
если не хром он,
может за месяц
стать богачом.
Это не требует
особых стараний,
чтоб деньги, как карты,
в руках тасовать,
нужно
в шикарном кафе-ресторане
просто немножечко потанцевать.
Плакат
глянцев,
красками
ярок:

За месяц
танцев
ТЫСЯЧА МАРК!
Кроме шуток
Фонстротом
игривым
ТРИДЦАТЬ СУТОК
БЕЗ ПЕРЕРЫВУ.

Выдержишь
месяц —
сотенок десять.
Не выдержишь
месяца —
можешь повеситься.

Готовят бедняги
мешки карманные,
фрак напрокат
на последний пфенниг.
Толпа безработных
у окон «Германии»
стоит с утра
у блестящих ступенек.
Салфеточный хруст,
серебряный блеск.
Хрустаются люстры,
оркестр влез,
завыл саксофон,
повалила публика,
одетая тонко
и выбрита пухленько.
У безработных —
впалые щеки,
но их подгоняют
фокстрота трещотки.

Пусто в жезудке.
Пустяк! Танцуй!
Первая ночь
подходит к концу.
Если устали,
пускай отдохнут
после часа
15 минут.

★
Улыбкой цветет
уважаемый Дрянинг.
Щеки, как торт,
как рождественский пряник.
— Люблю рабочих
взрослых детей:
смотрите, танцуют,
совсем беззаботные,
пять вечеров,
дней и ночей
фокстротом
движутся безработные.
Уже седьмой
танцевальный вечер,
недолговечен
мотор человеческий.
Двое танцующих
ночью не вынесли, —
лакеи упавших
немедленно вынесли.
В восьмую ночь
какой-то танцор
сошел с ума
в конце концов.

★
Трубы
ворчат

сворой
волчат
флейты по
в уют.
Длился
под ст
долгий
бостон
девать
весель
Десять
упало
в одиннад
11...
Больше п
безра
больше не
двину
В больниц
и в м
что
Чудак чел
Прож
на танцы
в каф
Цокотом
бараб
гавайская
мяу-г
И вот уж
остал
танцующа

НАХОД

(Записки из блок-нота)

Завскладом Оплодовинсоюза дает
оценку работы бывшему служащему
склада:

— По отзыву знающих его, — имеет
преступный уклон. В общих чертах —
натура неустойчивая и неуравнове-
шенная. Довериться такому человеку
нельзя и даже было бы рискованно.
Малый его рост и прочие дефекты
свидетельствуют о полном вырожде-
нии.

★
Из доклада одного профкома:
— Антисемитизм уничтожен на
пятнадцать процентов.

★
Секретарь одной партячейки, уходя
в райком, всегда говорит:

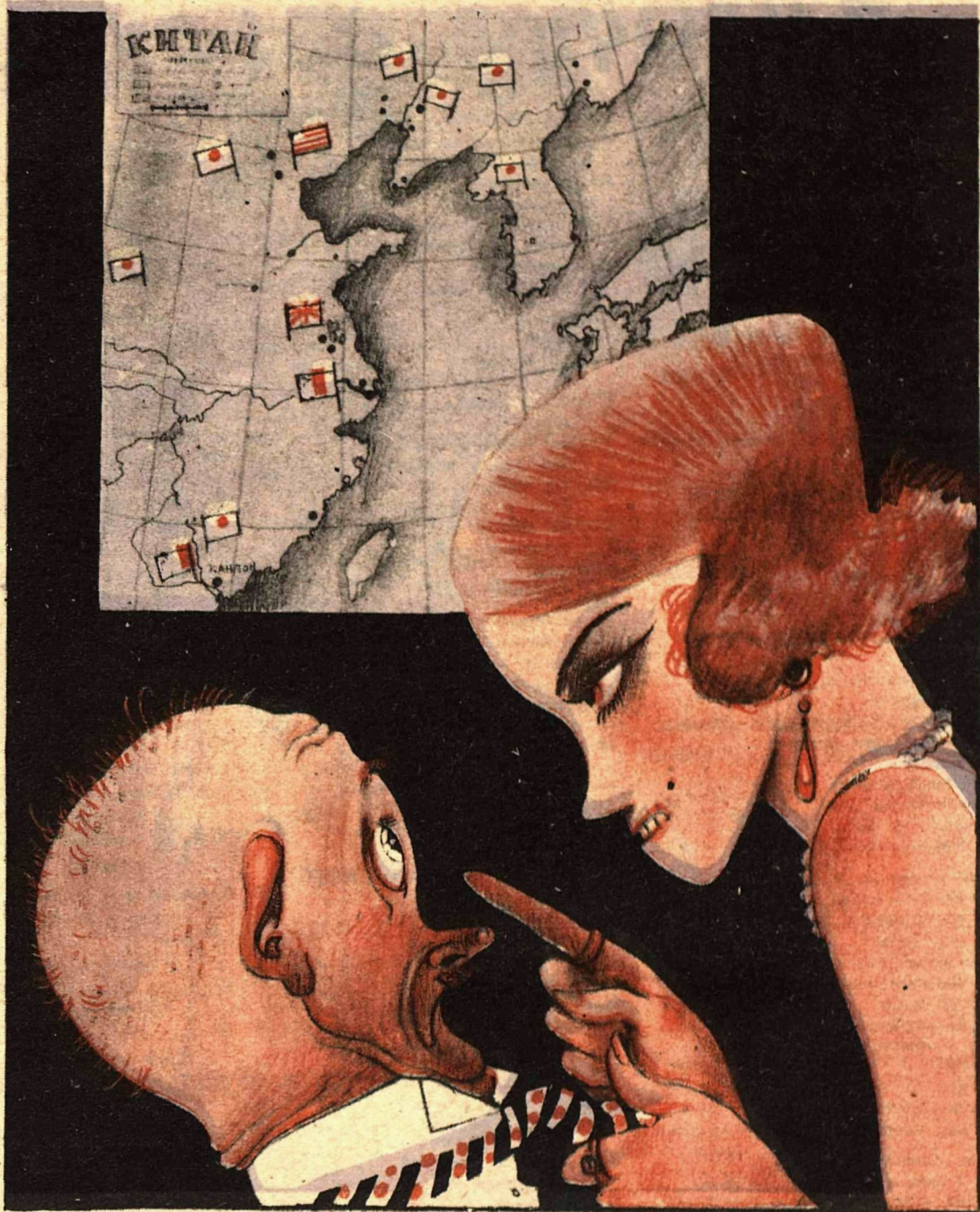
— Я у
инстанцию
Из одн
«...Друз
воду несв
Председ
«чашка ча
— А то
место для
ченя чаем
В зале
резанского
явление:
«Кто
курить —

Заставка М. Х.

Завидуют все:
 — Кончается время,
 Двадцать четвертый
 день их.
 — Вот для кого
 уготовлена премия, —
 Куча
 счастливых денег.
 — Ну, безработный,
 тебе хорошо,
 только неделю
 протащишь,
 больше не будешь
 дрожать над грошом
 с тысячей марок хрустящих.
 Двадцать девятый
 танцующий день:
 что-то в кафе
 маловато людей,
 тускло
 на люстровых гранях.
 Берт
 выводит усталые па,
 Он не сдаётся,
 он не упал,
 Но где ж
 уважаемый Дрянинг?
 Берт не верит
 ушам и глазам:
 Да правду ль
 глаза сказали,
 что он
 без оркестра
 танцует сам
 с женой
 в опустевшем зале?
 На улицах
 ловит газеты
 народ,
 и слышит
 счастливый избранник:
 — «Кельнише Цайтунг», —
 газетчик орет, —
 Объявлен
 банкротом
 Дрянинг!
 Орет газетчик
 во все этажи:
 Дрянинг
 прекратил
 платежи...
 Конечно,
 Дрянингу
 много бед,
 И ангелы
 с Дрянинга
 взыщут.
 Но я хочу
 получить ответ:
 С кого возьмет
 безработный Берт
 свою
 счастливую
 тыщу?

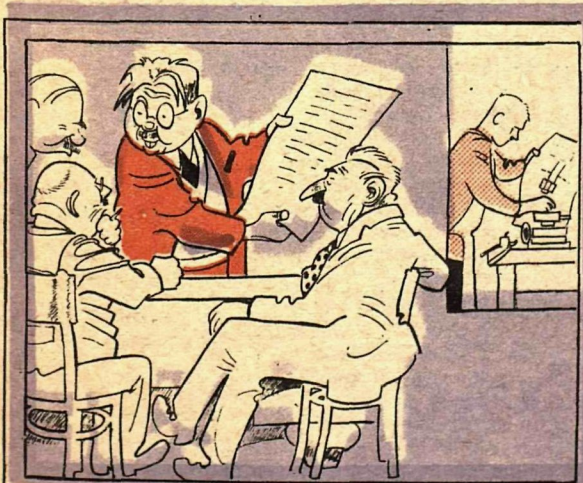
М. Храпковский

В захваченной японцами Манчжурии предполагается создать особое „независимое“ правительство из бело-говардейских эмигрантов.

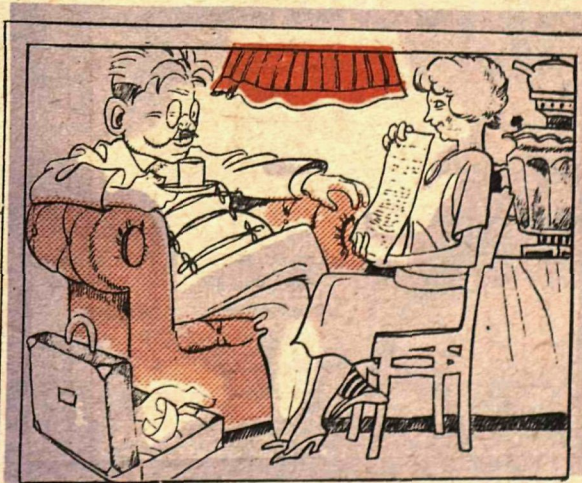

— Скорей беги в свой ресторан и бери расчет. Для Манчжурии спешно ищут министра иностранных дел...

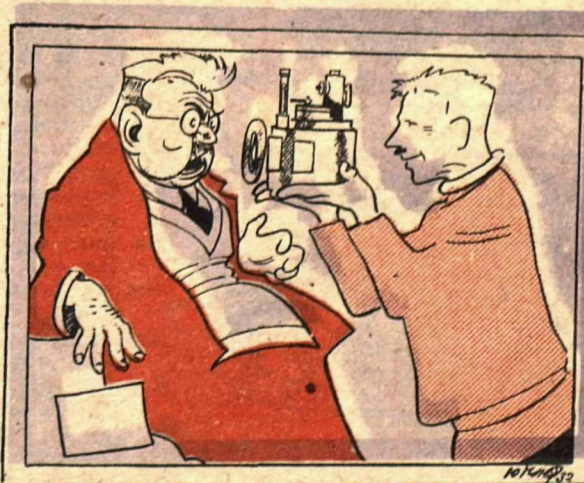
У
 хожу в соответствующую
 некролога:
 вносят сочувствие по по-
 овременной смерти».
 датель завкома на вечере —
 ю»:
 еперь, товарищи, освободите
 тех, которые еще не охва-
 нарсуда г. Суворова, Т.-Бе-
 о района, висело такое об-
 будет на суд плевать и
 штрафую на два рубля.
 Собрал Г. Ш.

4. Через две недели пухлая смета на заказ деталей с дополнениями и таблицами, расчерченными так же стройно и аккуратно, как улицы на плане Берлина, уже обсуждалась на заседании комиссии по заграничным командировкам. Визочкин не докладывал, а вдохновенно пел, как премированный соловей в летнюю ночь...

5. — Пиши! — командовала дома жена Визочкина. — Чулки шелковые, губная помада корки!.. Сумочка восьмьюугольная... Обсуждение сметы на импорт предметов дамского туалета продолжалось дольше, чем вопрос об импорте деталей. Визочкин спорил, сокращал „лимиты“, урезывал ассигнования... Он не знал, что утром его ждет тюрков разочарование.

6. — Никанор Степаныч, вы тут меня насчет деталей спрашивали... Я своим парням в бригаде рассказал. Взялись за дело в ударном порядке.. Вчера испытывали.. Работали на большой паде! Но Визочкин уже не слушал... Он шмырлял в корзину путешественников по Германии. Последним полетел под стол общедоступный самоучитель немецкого языка в ярко-голубом переплете.

О ЦАХ И ПРОЧИХ ВЕЩАХ

Стихотворение В. Соловьева

Рисунки М. Храпковского

ПРОВОЗГЛАШАЮ,
как манифест,
О цах начиная очерк:
— Что тот,
кто работает,
тот ест,
А если не ест, —
то хочет.

ЛСПО испытал
на своих боках
И на коровьих тушах
Реальную силу
того,
как
Пролетарий желает кушать.

Мы не продаем в столовой
котлет «Де волей»,
Нам не «Беф-миронтоп» тащи,
А после хорошей работы
валяй,
подавай человеку
щи.
Но законы
нарпитовской кухни поправ,
В щи эти
Требуется масса,
Кроме мух
и других, безусловно, приправ,
Например, хоть немного
мяса.

Но у завода была
отговорка одна,
И ловкость была
Рокамболья.

Если можно из мухи
сделать слона,
То нарпитовский суп
тем более:
И в наших тарелках,
спокойно и немо,
Плыли мухи
по гребням
борщевой волны,
Зеленые,
как на картинках Брема,
И откормленные,
как слоны.

Всем, безусловно,
и вам, и мне, —
Честно сознаемся, —
братцы,
Это все подавалось
по сходной цене
(Конечно...
для кооперации).

Но не в твердой цене,
между прочим, беда, —
Не над кем
вздыхали мы, ахая, —
Была кое-где
И цена твердо,
Но и пища была
не мягкая.
Клали порою
в борщи повара
Для особого испытания —

Трехдюймовые гвозди,
станки, фрезера
И другие продукты
питания.
Приходилось доподлинно
знать «на зубок»
Полезность
железного лома.

Словом,
автор
вот этих
лирических строк
Обедал и ужинал
дома.

Не то, чтобы я там
был болен вообще,
Не то, чтобы
болел в желудке,
Но не люблю я
суточных щей,
Которыми
седьмые сутки.

И частенько случалось —
рабочие,
Пообедав в столовой
на риск,
Ходят весьма
озабочены
И ругают столовую
«вдрызг».
— Мол, черти собачьи —
готовят хлам,
Кормят дермом
и головой.

А вот на заводе **КАЗИЦКОГО**,
там
не ругали
своей столовой.

Там разговор был
и краток и прост.
Предзавком **ПЫХАЧЕВ**
на собрании
Заявил, что вопрос
о столовой —
вопрос,
Который стоит
вниманья.

Во-первых, в столовой
был нужен зав.
В результате
завкомского слова
Собрание закрыли,
в завы избрав
Рабочего
ЗЕЛЕНОВА.

Приняв во внимание
описанный случай,
Отпустило правление
достаточно средств,
Исходя из того,
что работает лучше
Тот на заводе,
кто лучше ест.

В результате
прямых любовых атак
На фабрику-кухню
и прочих событий
На этом заводе
едят так,
Как вы, дорогой,
не едите.

Во-первых, столовка
чиста и бела,
В мерцающих
полного света.
И сами вы смотрите
из-за стола,
Как жарится ваша
котлета.

Вы смотрите прямо вкось,
Вы повара видите
в личико.

Ну как запечет он
в котлетину гвоздь, —
Это ж
не обезличка!

В ваших ушах
вентилятора свист,
Рубильник
включается в губки,

И красное мясо
спускается вниз
Из электрической
мясорубки.

Тарелки, как птицы,
летят за едой,
Фарфором играя
по стали.

Их моет машина
горчишной водой
В минуту
по целой стае.

И это, конечно,
вполне законно,
Что в результате
столовых дел
Сам **Пыхачев** —
председатель завкома
Кило на четыре...
(не похудел).

Едоки, между прочим,
солидные тут,
И щам
уделяя внимание,
Обед поглощают
в 15 минут,
В порядке
соревнования!

Едоков этих, кстати,
не так давно,
Про столовку эту
прослыша,
Снимал оператор
«Союзкино»,
Умоляя их
кушать потише.

Отсюда вывод:
в кино чего-то
С новыми темпами
не лады:

Кино, отставая
от темпов работы,
Уже отстает
и от темпов еды.
Товарищи!

Эта столовка
не ваша.

Но скажу вам,
сочувствием горя, —
Если в столовой вас кормят
не важно,
Не ругайтесь, товарищи,
зря.

Ругаться, ведь это ж
вообще не ново.

Столовка плоха
или плох зав, —
Выбирайте себе
своего Зеленова,

На завком
и правление завода
нажав.

Скажите тихонечко:
— Дело в том,
Что в настоящий
момент...

И процитируйте
мой фельетон,
Как подлинный
документ.

Ругаться вообще
некультурно и тупо.
Столовая ваша,
и вы в ней не гость.
И, вытаскив гвоздь
из перлового супа,
Не думайте вовсе,
что в этом «гвоздь».

Люди ругались
и нашего хлеще.

Но замечу я,
правду любя,
Что ругая порою
подобные вещи,
Вы кроете, в сущности,
сами себя.

Да, кстати,
ругают меня натошак
Поэты, коптящие воздух,
За то, что пишу я
Поэмы о цах,
совсем забывая
о звездах.

— Тоже «метод», — кричат они, —
выдумал новый:

Поэзию борщей
и капустных приправ.
На заводе Казницкого
в новой столовой
Ты не был, мой критик,
Ты, критик, не прав!
О, милый мой критик-поэт!
не ропщи!

Хочешь — верь мне,
а хочешь — посмейся,
Но в этой столовой
мне подали щи,
Это были не щи,
а поэзия!

В. Соловьев.

Ленинград

ЗЕЛЕНЫЙ МОРС, ИЛИ ЧУДЕСА ТРАНСФОРМАЦИИ

(Перевод с украинского)

В ЗРК «Техбудзеркало» (Комсталиновка) висит объявление об отпуске ударникам товаров вне очереди. Между тем, кроме нескольких бутылочек коньяку, в «улке ударника» нет ничего.

Б. Фридкин

— Имеется для ударников громадный выбор: две звездочки, три звездочки, четыре звездочки.
— Потому то у вас и столько звездочек, что вы звезд с неба не хватаете!

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ „АНЧАРУ“ ПУШКИНА

Наблюдаются ошибки планирования: ВУКопбакалея дала наряд Копотопскому закрытому поленому распределителю на получение сахара из Киевской базы... Между тем, Копотоп—центр сахарной промышленности, и сахар можно было получить на одном из копотопских заводов.

Начнем не пушкинским стихом:
Не в чахлой и скупой пустыне,
Хоть и занесенный песком,—
Есть ЗРК на Украине.

И, раз уж стиль наш невысок,—
Прибавим о военкоопе:
Песок тот—сахарный песок,
И дело было в Копотопе.

Но человека человек
Шлет мудре в Киев властным взглядом,

И тот послушно в путь потек,
Вскокый плановым нарядом.
Он гнал вагоны в дождь и мглу,
Он транспорт загружал мешками,
И пот по бледному челу
Капался холодными струями.

Пригнал — и ослабел в лег,
Расходов лишних не жалея,
Сложив их, как трофей, у ног
Беспечной ВУКопбакален.

Она ж на это — хоть бы хны!
Плановики сказали: «Добре».
Не чуют за собой вины,
И ни один из них не в допре!

Дон Бас.

ВИЛЫ В БЛОК

КЛЕЦ—ДИРЕКТОР

В Днепропетровске имеется ветеринарная зональная бактериологическая станция. Заведует ею директор Клец, благоразумно растерявший все документы о своей прежней деятельности. Вот какие приказы «испускает» гр. Клец.

Приказ от 20 октября 31 г.
Мною замечено, что некоторые специалисты врачи во время занятий относятся ко мне по товарищески, а не как подчиненные к начальнику. Приказываю такое отношение изменить, и относиться ко мне, как к начальнику, с должным вниманием и уважением. За неисполнение сего приказа буду привлекать к ответственности с занесением в послужной список.

Необходимость таких приказов Клец мотивирует так:

При единоначалии иначе нельзя. Демократию теперь по боку, так как она противоречит 6 условиям тов. Сталина.

А такие «директоры», как т. Клец, разве не противоречат 6 условиям тов. Сталина? Нам кажется, что они противоречат даже всем вообще условиям советской действительности...

ДЕШЕВОЕ БЛЮДО

УКРФИЛ, пользуясь монопольным правом обслуживать клубные эстрады, плохо следит за находящимися в его ведении бригадами. В Донбассе, например, распевают такой «куплет»:

На Крамашстрое — достижение —
открыт чудный ресторан:
5 рублей стоит котлетка
для рабочих и крестьян!

Как видно, «кухня Укрфила», не в пример ресторану, кормит рабочих и крестьян духовной пищей подешевле.

С КАЖЕМ ПРЯМО: Миронов — гений.
Он, правда, не изобрел спичек и не соорудил сопилки (пастушеская дудка), но зато Миронов, как некий кудесник, может превращать любую вещь в ее собственную противоположность.

Заткнись, Мефистофель, претворявший воду в вино! Миронов умеет приготовить из гвоздей лапшу, из кирпичика — пирог, из колеса — бублик.

Работая в должности заведующего пунктом переработки при Первомайском ЗРК (Донбасс), Миронов заслуженно приобрел славу великого трансформатора.

Привозил, допустим, распределитель помидоры. Привозил, складывал, или сыпал их в соответствующее место и оставлял на произвол судьбы, то-есть, висят, — начинал обмозговывать, по каким именно талонам надо выдавать помидоры рабочим?

Помидоры сначала лежали молча, потом утрачивали свой разяще-заманчивый колер и, наконец, начинали плакать.

Вот тогда-то являлся Миронов и вопрошал:

— Ну как, можно?

— Да, кажись, можно. Погляди, ежиди все сгнили, — забирай!

Миронов забирал гнилые помидоры на пункт, и через несколько дней горняки, являвшиеся за помидорами, могли восхищенно читать объявление:

ПОЛУЧЕН ЗЕЛЕНЫЙ МОРС.

А еще через несколько дней в распределителе вновь появлялся Миронов и вновь вопрошал:

— Ну что, как морс? Пьют горняки?

— Ого! До рези в желудках.

И ему не вдали. И впрямь рабочие ощущали резь в животах, их тошнило и рвало.

Путь из распределителя к Миронову был известен не одним гнилым помидорам, но и воночим селедкам. Эти возвращались от него в должности вяленой рыбы, хоть им было совсем не до этого:

Их влекло к ближайшей свалке.

На подобных «переработках» Миронов «заработал» для Первомайского ЗРК 15.000 целковых.

Сейчас на складе распределителя лежит не мало «вяленой рыбы» и 200 бочек (!) «зеленого морса» — количество, достаточное для того, чтобы снизить трудоспособность первомайских горняков—худо-бедно на 80 процентов.

Миронов, однако, считает, что этого мало и в данный момент, кажется, собирается превращать мерзлый картофель в паюсную икру, а гниющую капусту — в клубничное варенье.

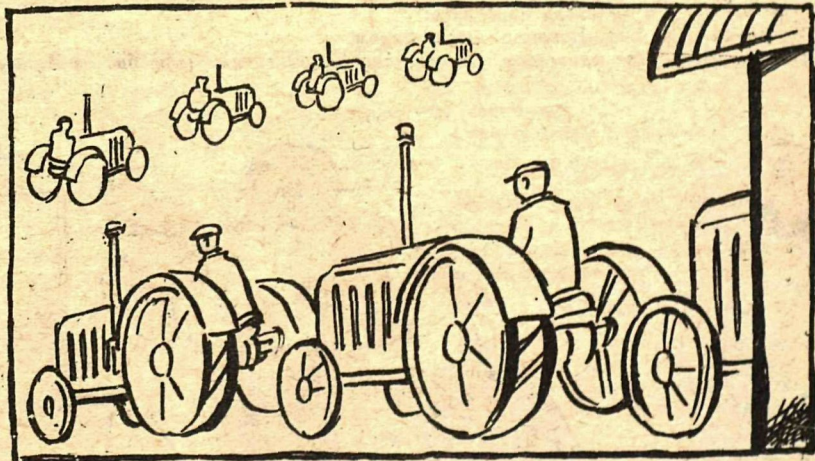
Не худо бы подвергнуть «переработке» и самого Миронова. Материал подходящий.

Юхим Гедзь.

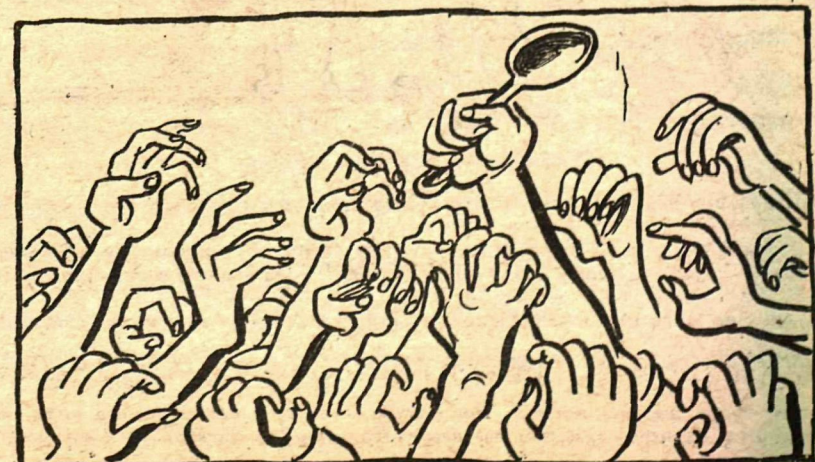
ТЕМПЫ И „ТЕМПЫ“

Темпы культурно-бытов. обслуживания рабочих Харьковской тракторного завода значительно отстают от темпов развития завода, который уже сейчас выпускает 43—45 тракторов в сутки. Особенно отличается дух питания, где имеется только 200 ложек. (Из газет).

Л. Генц

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПО ТРАКТОРУ.

ЧЕРЕЗ ЧАС ПО СТОЛОВОЙ ЛОЖКЕ.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Краматорское ГОРПО в целях стимулирования децентрализованных заготовок закупило на 6.000 руб. картузов и др. неходовых товаров. Картузы лежат мертвым капиталом.

Равдать бы, скажем, картузы
Самим виновникам бузы,—
Но что за толк в предметах этих?
Когда здесь не на что надеть их!

ПУСТЬ НАЗЫВАЕТСЯ

ЗРК Северного рудника работает скверно. Руководство не уделяло рабочему снабжению должного внимания. Командировки и выходные дни предправления Иосиделова составили в декабре — 20 дней.

Об этих подвигах проведая,
Его б назвал я «Непоседов»!

«СВИНАЯ НОРМА»

Директор свиноводческого совхоза «Еленовка» (УССР) т. Суворов, не придерживаясь нормы, в один день выиспал со склада 3 кило сливочного масла, 4 кило сливок, 16 кило мяса. Общественное питание в совхозе поставлено из рук вон плохо.

Видать, от этих «фруктов»
В совхозе растерялись:
Хоть в складе нет продуктов,
Но «свиньи» в нем остались!

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ

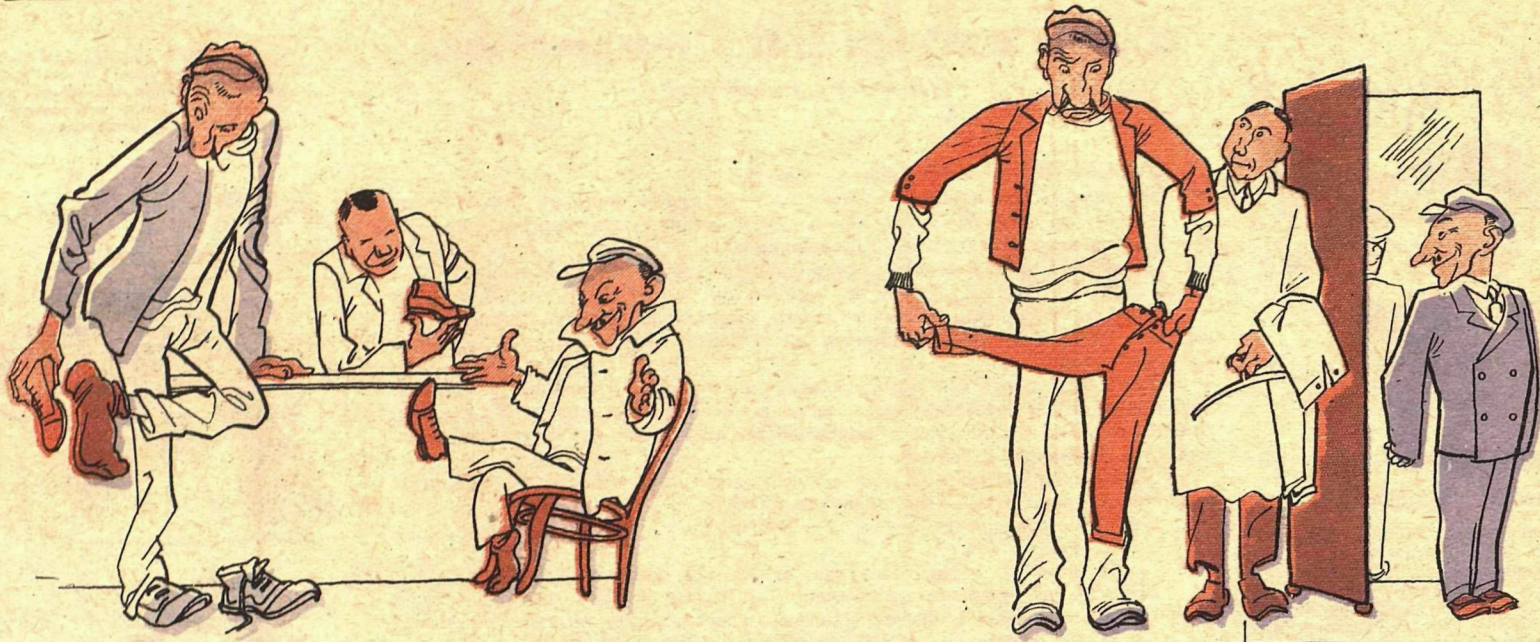
Наши поэты и писатели, как известно, склонны к злоупотреблениям металлом. Люди у них зачастую стальные. В крайнем случае — железные (хорошо, что хоть цветного металла не расходуют зря!) Очевидно, астраханские снабженцы не чужды поэзии и о шахтерах говорят восторженно:

— Шахтеры — это стальные люди!

А раз шахтеры стальные, то и пища им нужна соответственная. И посылает Астрахань на закуску шахтерам металлические изделия.

Так например, в бочке, прибывшей в 16 отделение Еленовской группы, обнаружен вместо рыбы изоляционный провод...

А ведь такие поэтические шутки с изоляционным проводом могут привести шутников к изоляции. К строгой даже.

Жили два товарища. Один — долговязый, прозвали его приятели за рост Каланчой. Другой — маленький, шустрый — по прозвищу Муха. Работали они бок о бок на заводе, а на каком — неважно.

Как-то получили оба в завкоме ордера на обувь и костюмы.

В выходной день отправились товарищи в магазин, в какой — тоже неважно. В обувном отделении торжествовал Муха. Он мигом подобрал себе пару ботинок как раз по ноге и покатывался с хохоту, глядя, как Каланча, стоя на одной ноге, точно аист, пытается напялить 39-й номер. Большого размера в магазине не оказалось, а Каланче нужен был минимум 45-й.

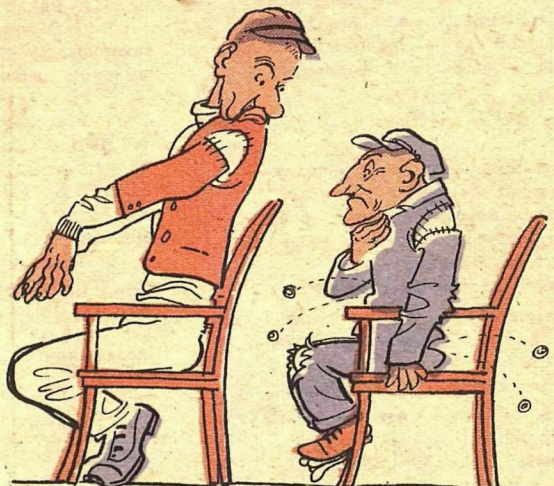
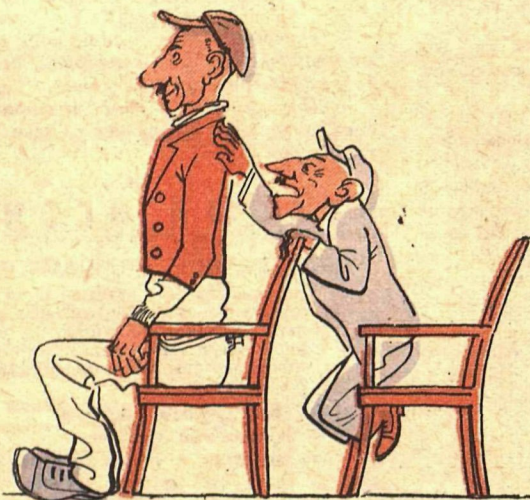
С костюмом Каланче тоже не повезло. Брюки ему приходились только до колен, в то время как на Мухе пиджачок сидел, как вылитый.

Сердито хлопнув дверью, Каланча вышел из магазина.

— Брось злиться! Айда в кино, — сказал Муха.

Когда приятели ворвались, наконец, в душный зал, проветривавшийся последний раз в 1917 году, Каланча занял место как раз впереди Мухи. Настроение у него быстро исправилось.

Вместо экрана раздосадованный Муха созерцал худощавую спину Каланчи. Вертелся Муха и так и эдак, — ничего не видать. Пробовал он залезть приятелю под локоть, но ничего, кроме неприятностей, из этого дела не вышло. Каланча преобретательно зажимал ему голову.

Наконец, засияла засиженная мухами люстра. Сеанс окончился. Глянул Каланча на Муху и захохотал:

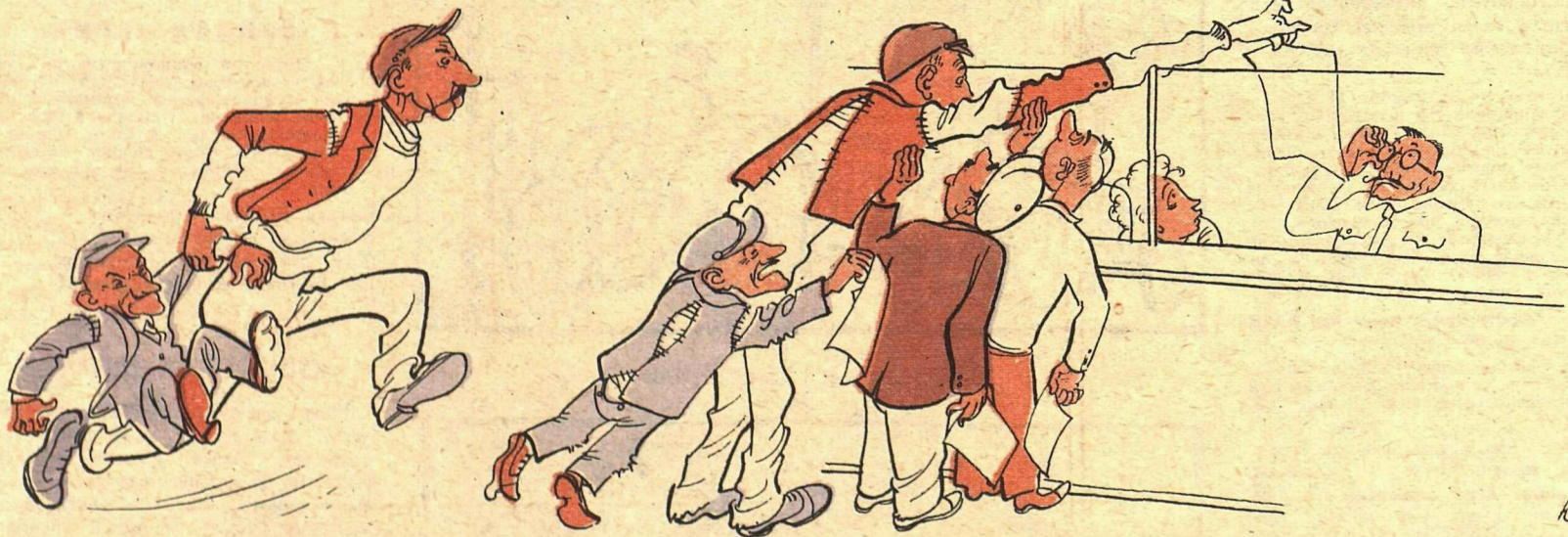
— Ну и новенький костюмчик! — грохотал Каланча — Ой, уморил ты меня, Мухика!..

Глянул Муха в зеркало и оторопел. Действительно, вид у костюмчика был неважный. В трех местах он разлезся по швам, а пуговицы отлетели на наиболее ответственных участках...

— Скорей в бюро жалоб! — завизжал Муха, — и приятели понеслись.

То-есть, вернее, понесся Муха, потому что Каланча спокойно шагал рядом.

В бюро жалоб народу собралось не мало. Долго бы пришлось стоять нашим приятелям, если бы не Каланча.

Протянул он заявление через головы доброю десятка людей и вручил его даже не секретарше, что у окошка сидела, а прямо заведующему, в самой глубине комнаты.

— Это некоторые наши швейные фабрики мудрят. Экономю заготовляют за счет больших номеров... За качеством не следят... Хорошо, что вы к нам зашли, мы их вздреем как следует, — сказали приятелям в бюро жалоб. — Да еще им и от «Крокодила» влетит, я слышал, что он начинает СМОТР КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Слухи эти отнюдь не лишены основания. «КРОКОДИЛ» действительно открывает на своих страницах

ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ.

За наиболее интересные «экспонаты» будут выданы премии. Винаватым — вилы в бок и особый орден за качество продукции, а нашим крокорам — годовая подписка на журнал и другие, не менее симпатичные вещи. Подробности читайте в следующем номере. Прием экспонатов открыт!

К. 32.

ОСНОВНОЕ НА ЗАДВОРКАХ

— Алло! Швейный цех!
— У телефона.
— Почему у вас на шубах пуговицы пришиты чорт знает как? Между первой и второй пуговицей 12 сантиметров, а между второй и третьей только 11 и пятьдесят восемь сотых. Проработать с мастерами инструкцию за № 17986!

★

— Алло! Швейный цех!
— Слушаю.
— Почему у вас подкладка простегана не одинаково. В одном месте клетки в 10 сантиметров, в другом в 10 с восьмой, а в третьем в 10 с пятой? Тоже недосмотрели? Куда же вы тогда смотрите? Проработать немедленно инструкцию за № 6547.

★

— Алло! Швейный цех!
— У телефона.
— Почему у вас петли никуда не годятся? Одна петля в три сантиметра, другая... Принять меры, изложенные в инструкции за № 9245!

★

— Алло! Швейный цех!
— У телефона.
— Отправили продукцию?
— Отправили.
— Приняли?
— Назад прислали.
— На каком таком основании? Может быть, пуговицы не на месте?
— Пуговицы на месте.
— Швы на рукавах не соответствуют друг другу?
— Швы соответствуют.
— Подкладка?
— Подкладка в порядке.
— Почему же тогда?
— Брюки вместо рукавов к шубам пришили.
— Куда же мастера смотрели?
— Инструкции ваши прорабатывали.

Д. Глаз.

Стеклофарфортерст выпускает большое количество бракованной продукции.

Л. Генч

Что может получиться с сотрудником Стеклофарфортерста, рискующим воспользоваться чайником собственной продукции.

ТРИ ДНЕВНИКА

В продуктивном магазине мне любезно завернули селедки в три листа замусоленной бумаги. При тщательном осмотре оберток мне удалось восстановить, что это были обрывки дневника заведующего, продавца и покупателя, которые мы и приводим полностью.

ДНЕВНИК ЗАВА

27 января.
Знакомой нынче звякнул я
Довольно тихо, по секрету:
Прислали дамского белья
И дорогого сатинету.

28 января.
Сообщил и тетке в поздний час
Из автомата-телефона:
Получен синий канифас
И кипа черного шифона.

ДНЕВНИК ПРОДАВЦА

29 января.
Сегодня ночью уволок
(Бывали штучки в этом роде)
Три пары дорогих чулок
Из магазина при заводе.

ДНЕВНИК ПОКУПАТЕЛЯ

30 января.
Хожу, хожу в универмаг
И возвращаюсь огорошен:
Не удастся мне никак
Купить для мальчика калоши.

31 января.
Я долго думал: в чем секрет?
И, наконец, я твердо понял:
Белье, калоши, сатинет
Застряли, видно, в телефоне.

Списал С. Дорофеев.

РЕЖИССЕР: — Последний акт можете не доизрывать. Вся публика за калошами убежала...

Виллы в бок

СМИРНЫЕ БОТИНКИ

В ЗРК № 2 завода «Баррикады» (Сталинград) залежалось несколько сот собачьих намордников.

Товар неходовой и на балансе кооператива висит чуть не третий год. Решили сбыть. Намордники любезно, но вместе с тем в обязательном порядке предложили вместе с ботинками ударникам.

Представьте себе удивление храбрых кооператоров, когда ударники отказались брать намордники.
— Ботинки, — говорят они, — и без намордников не кусаются, а намордники носите сами на здоровье. Где хотите...

ОРЕХОВСКИЕ ПОХОРОНЫ

Из Орехово-Зуева пишут:

«На-днях по центральной улице города несли покойника. Несшие гроб были вдрызг пьяны. За гробом двигался оркестр клубного кружка, — тоже совершенно пьяный.»

Так уж вышло, что единственным трезвым на похоронах был... покойник.

ПРЕМИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Башторг оригинально «мобилизует средства» населения.

Отбросив, как старый опороченный метод, принудительный ассортимент и нагрузки, он ввел «премию». Товары расценены втридорога. А чтобы люди не шарахались при виде вздутых цен, продавцы любезно вручают покупателям премии: к эмалированному чу-

гунку — дугу, к мотку шиток — дюжину вязальных спиц, к керосиновой лампе — пару батареек для карманных фонарей.

За такую «премиальную систему» посылаем Башторгу журнал, а в виде премии к нему — виллы в бок избрательным башторговцам.

ВОДЯНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ...

В Александрове (Ивановская промышленная), организова выборы уполномоченных от тех улиц, где население пользуется водою из фонтанов, горкомхоз издал приказ:

Снять ручки у всех фонтанов или колонок и не давать воды до тех пор, пока граждане не изберут у себя уполномоченного.

На каждом фонтане была вывешена бумажка с приглашением явиться на собрание.

Горе-комхоз! Заткни фонтан!

ПОРЯДОЧНАЯ ТЕЛКА

Ветеринарный врач Апушкин (Раздумовский с/совет, Рыбинск) при браковке неплеменного скота дает такие справки крестьянам:

А. М. Царева — телка с большой головой, в остальном порядочная.

И. А. Филатов, бычок черный, белолицый, плохая голова.

Внести исправления врач категорически отказывается и злится в ответ на просьбы.

Выбраковывая такого врача, даем ему справку:

— Апушкин — белолицый, плохая голова, в остальном бюрократ.

ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ

ЦИКЛОНОВ, директор завода, Стремительный, как электричество,

Шумит в продолжении года:
— Количество!.. Количество!.. Количество!..

Совдаются комиссии,
Крутятся трансмиссии,
Сотрясаются стены,
Мелькают смены,
Свирепствуют топки...
Никакой «пробки».
Быстро... Ударно... Рьяно...
200 процентов промфинплана.
200... Но вот беда,
Продукция — никуда.

★

Впустую пропала работа.
Директор в мутной тоске:
Вместо доски почета,
Завод — на черной доске!

М. Андриевская.

Ив. Малютин

В КООПЕРАТИВЕ

— Пишите скорее свою жалобу, а то мне как раз не во что селедки завернуть...

Редакция „Крокодила“ просит читателей регулярно сообщать о случаях засылки на места изданий, предназначенных для другой области.

Из-во ЦК ВКП(б) „Правда“. || АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „Крокодил“ — 50 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митвицкий,

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 114

Сдача текста и рисунков — 18/1.

Подпись к печати — 27/1.

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2. Колич. экз. 65.000

Уполномоченн. Главлита № В—19156.

Тип. „Рабоч. газеты“, Москва, Сушевск. вал, 49.

Зак. № 148

Тираж 500.000 экз.

40/13/11
4564 ДОРОГО ЯИЧКО..."

АРХИВ
1 6 ФЕВ 1932
Г. Ц. К. П.

А. Топиков

В ряде железнодорожных участков до сих пор не закончена подготовка к снегоборьбе.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК-ОППОРТУНИСТ — Ну, теперь и отдохнуть не вредно... Подготовка к борьбе со снежными заносами у меня еще вчера закончена...